

ТАЙНЫ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ

Андрей Савельев

ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА

РЕКОНСТРУКЦИЯ ВЕЛИКОЙ ЭПОХИ

Андрей Савельев

**Троянская война.
Реконструкция великой эпохи**

«Книжный мир»

2017

Савельев А. Н.

Троянская война. Реконструкция великой эпохи /
А. Н. Савельев — «Книжный мир», 2017

ISBN 978-5-9909394-3-1

Доктор политических наук, политик и писатель Андрей Николаевич Савельев известен своими нелюбимыми высказываниями по многим вопросам современной жизни. Но на сей раз читатель может открыть для себя нового Андрея Савельева — философа и историка, исследователя одного из самых древних и величайших эпических сочинений - «Илиады» Гомера. «Общество, отбросившее классическую систему образования, в которой античная культура занимала центральное место, перестало интересоваться Гомером, отдав гомероведение в руки «специалистов», которые превратили исследование гомеровского эпоса в средство имитировать ученость и профанировать науку», — небезосновательно считает автор. Вместо исторической реконструкции событий Троянской войны, профанаторы переливают из пустого в порожнее, стараясь доказать, что гениальное произведение Гомера — всего лишь красивый вымысел. Какой же на самом деле была Троянская война — водораздел между тысячелетиями почти неизвестной нам архаичной истории и Античностью, с которой и начался отсчет знакомого нам по письменным источникам прошлого? Жили, воевали, страдали герои Древнего мира — Ахилл, Гектор, Одиссей, Парис, Елена Прекрасная — или же они только миф, созданный великим поэтом? Когда была написана «Илиада»? Кем был ее автор? Андрей Савельев создает СВОЮ реконструкцию первой великой европейской войны на основе анализа «Илиады» и других сохранившихся до наших дней документов, описывающих события трехтысячелетней давности.

ISBN 978-5-9909394-3-1

© Савельев А. Н., 2017

© Книжный мир, 2017

Содержание

Предисловие	6
Часть 1.	11
«Киприи» – предисловие к «Илиаде»	11
Возраст «Илиады» и ее героев	19
Уловка Агамемнона	23
Начало сражений и поединок Париса и Менелая	26
Жестокие боги жаждут войны, люди страшатся кровопролития	29
Первая битва «Илиады»	32
Вторая битва «Илиады»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Савельев

Троянская война.

Реконструкция великой эпохи

Предисловие

«Илиада», «Одиссея» и сохранившиеся пересказы и обрывки «троянского» эпического цикла, а также некоторые другие источники, дошедшие до наших дней, дают уникальный материал о предыстории европейской цивилизации, ценность которого не должна поблекнуть ни от «аналитического подхода», который вот уже целый век расчленяет наследие Гомера на фрагменты и объявляет их просто переписанными сказаниями разных времен и народов, ни от фантазийного приобщения произвольно «раскрашенной» истории к потребностям современной публики.

«Аналитический» метод не щадит ничего – даже предмета своих исследований, оставляя после себя разнородные осколки, в которых уже нет никаких сюжетных линий истории, никакой тайны истории. Также и кинематографическое иллюстрирование древней истории, пренебрегающее деталями и надежно установленными фактами, подменяет историю веселыми картинками для инфантильного восприятия. Тому и другому может быть противопоставлен только «синтетический» метод, который использует древние источники, собирая из них целостную картину, не фальсифицируя ничего, как бы ни было соблазнительно придать древним сюжетам романтические черты.

Даже образованный обыватель XXI века не особенно интересуется глубинами истории, пока какой-нибудь скандал не объявит, что гомеровская Троя находилась вовсе не там, где нашел ее Шлиман, а в другом месте. Или что очередные раскопки или лингвистические штудии показали, что Троя – это образец азиатчины, а напавшие на нее ахейцы – образец цивилизации. Но так история закрывается и подменяется фантазийными фальшивками. Лишь детальная реконструкция, в которой правдоподобие подкреплено достоверными фрагментами и концептуальными решениями, раскрывает нам тайны истории и дает поучительные уроки.

В реконструкции Троянской войны мы видим переключку эпох, объясняющую современные нам события. Мы замечаем, что Россия временами становилась учеником Европы, но в XIX веке она закончила очередной этап ученичества и потому в следующем веке была растерзана революциями и войнами. Учителя не хотели, чтобы ученик превзошел их. И потому прервали естественное течение истории чудовищными военными преступлениями. Нечто подобное произошло и с Троей, которая начала возвышаться над микенскими государствами, у которых когда-то ходила в учениках. И тогда учителя организовали масштабную военную экспедицию, истерзали Трои войной, после которой она уже не смогла подняться. А микенская цивилизация закатилась, обрушившись в «темные века» беспрерывного кровопролития – пока новая цивилизация не пришла ей на смену, многое зачерпнув из самых светлых времен предшествующей эпохи.

Недоверие к достоверности описанных Гомером событий, а также к открытиям Шлимана и Блегена уничтожают саму возможность реконструкции эпохи – как ее светлых, так и темных сторон. Но «аналитика», доведенная до нигилизма, уничтожает и саму науку – обращает недостоверное, неполное знание против наиболее достоверного, наиболее полного. Широкий простор для домыслов дает фрагментарное знание и домыслы, основанные на сомнительных предположениях. Например, считается, что чем больше эпитетов у героя, тем его происхождение древнее. Такой подход может быть опровергнут простой мыслью о том, что эпитет про-

сто разделяет героев, имеющих одинаковые имена – чтобы их не спутать. Для имени Парис не требуется никаких эпитетов, потому что оно уникально. А вот для прозвища того же героя – Александр – эпитеты требуются, чтобы не спутать его с носителями таких же прозвищ. То же касается Елены Прекрасной, которая аномальной частотой эпиклезы просто отделяется от множества других Елен.

При реконструкции Троянской войны мы должны опираться на здравый смысл: не соблазняться верой в богов ахейцев и троянцев. Эти боги, разумеется, никогда не существовали. Еще в древности мыслители осторожно предполагали, что это имена наидревнейших героев. Но поскольку их история полностью сказочна, мы должны отделять мифологические украшения от основы повествования. Предполагая, что эти украшения появились позднее – может быть, как раз во времена греческой архаики, когда божественные сюжеты подкрасили сухую летопись и сохранили ее в таком виде. Но, вполне возможно, они существовали изначально, поскольку без этого поэтесса не закрепила бы в истории летописные факты.

«Аналитики» предпочитают видеть в украшениях текста – его основу, уличая Гомера (а реально – поздних рапсодов, ублажавших публику, и переписчиков, подправляющих тексты) в том, что вся божественная основа взята из самых разнообразных источников. Таким образом, гомеровский сюжет «прилипает» к мифологическим изыскам и с их помощью растаскивается на бессвязные фантазии. Порочна не только такая методика работы с гомеровскими текстами, но и сама задача, которой служат подобные методики.

Чтобы реконструировать события Троянской войны насколько это возможно, мы должны прочесть, прежде всего, «Илиаду», пропуская все, что не укладывается в стиль летописи. Прочтение «Илиады» без мифологического пласта и эпических украшений позволяет видеть ткань событий без отвлекающих моментов. Противоречия, которые с древности обнаружились в «Илиаде», мы должны объявить как раз свидетельством ее достоверности: они не устранялись при переписке, поскольку библиотекари видели в них непостижимый смысл, который может быть открыт более поздними их последователями. В то же время, эти противоречия надо постараться разрешить, учитывая, что изначальная «Илиада» была расчленена рапсодами на отдельные песни, которые проще было заучивать. Потом они «сшивались» – в соответствии с запросами публики. А позднее, когда тексты Гомера канонизировались для целей афинской политики, наиболее удобная и полезная Афинам «сшивка» оказалась последней и завершающей. Хотя и дорабатывалась еще несколько веков – вплоть до переписчиков Александрийской библиотеки. Мы же теперь можем «сшить» сохраненные песни в ином порядке, стараясь убрать противоречия иным хронологическим порядком.

Целостность гомеровского эпоса мы должны ценить выше, чем фрагментарность преданий, которыми его пытаются опровергнуть. И в каждом случае опровержения искать истоки совершаемых при этом ошибок. А для начала – просто прочесть «Или-дау» как хронологиче-

скую запись событий, сконцентрировав внимание именно на реалистичных деталях и по возможности разъясняя фантастические моменты. Это мы и сделаем в первой части книги.

Реконструкция Троянской войны должна привести к изначальной «Илиаде» – конечно, не к самому тексту, который восстановить в принципе невозможно. Но хотя бы к близкому по смыслу тексту, расчищенному от напластований и повествующему именно о войне, а не о богах и знаменьях – слишком уж привязанных к постмикенским временам и подчиняющим историю религиозным взглядам эпохи, наступившей несколько веков спустя.

Мы должны отнестись к Гомеру с благоговением – уже за то, что реализм его эпоса предельно ясен и высвечивает личность автора не как собирательной персоны, а как реально существовавшего человека, который соединил множество рассказов, поведенных ему очевидцами, и превратил их в тексты – скорее письменные, чем устные. Лишь последующая традиция внесла в них фольклорные элементы, которые так загипнотизировали исследователей, препарировавших Гомера в течение последнего века.

Гомер наверняка был воином – настолько подробно он описывает схватки на поле боя. А вот общую картину каждой битвы он рисует схематично – скорее со слов рассказчиков, которые в то время были очень молоды, и явно не числились среди вождей. Он всегда точно указывает, каким оружием и какой удар был нанесен, а также последствия удара для противника. Он даже описывает, какие мышцы и внутренние органы поражаются оружием, как ведет себя тот, кто отведал «острой меди». Может быть, Гомер сам не раз участвовал в бою – его эпоха (внуков поколения Троянской войны) была наполнена битвами и разорениями. И потому рассказы очевидцев сражений под Троей ему были близки и понятны. Скорее всего, он сам не раз оказывал помощь раненым воинам – лечил их и обладал необходимыми знаниями для этого. Легенда о слепоте Гомера – может быть, свидетельство о последствии ранения, от которого он стал терять зрение. Или своеобразная уловка автора: ничего от себя – только пересказ того, что довелось услышать. Прообраз такого способа донесения материала до публики – поэт Демодок, которого Гомер выводит в «Одиссее».

Пройдя по сюжетной линии, прочерченной Гомером и эпическим циклом, посвященным Троянской войне, мы обратимся к деталям микенской эпохи, которая в своих материальных носителях, обнаруженных археологами, демонстрирует неизменность. И здесь мы должны отметить, что искусственное удревание главных микенских находок лишь напрасно усложняет подход к истории. «Клад Приама», который, как считается, древнее Приама на многие столетия, на самом деле вполне подходит к эпохе Троянской войны. Уже потому, что сокровища могли быть спрятаны в землю настолько глубоко, что нарушили археологические слои, ставшие предметом внимания современных исследователей. Если амфоры для хранения припасов в Трое зарывали в пол, то на дне этих амфор предметы оказывались глубже соответствующего культурного слоя порой на метр, а то и более.

Свидетельства неизменности микенских реалий – «восьмеркообразные» щиты, изображенные как на критских росписях, так и на оружии из микенских гробниц, а позднее получившие название «беотийские» и просуществовавшие до времен классической Греции. Другой пример – шлемы из клыков кабана, которые есть не только в миниатюрах Микен, но и в гомеровском эпосе. Наконец, имена героев «Илиады» оказываются сходными с теми, которые расшифровываются на критских и пилосских табличках. Что означает: реконструируя Троянскую войну, мы находимся в рамках одной и той же эпохи, артефакты которой представлены археологическими находками на Крите, в Микенах, в Пилосе и в других центрах микенской цивилизации.

Мы более подробно остановимся на образах ключевых героев Троянской войны, а потом обратимся к тем древним реконструкциям, которые принято считать фальшивками. В них мы обнаружим тех героев, которые были исключены из эпического цикла или появляются там мимоходом. Второй круг реконструкции использует эти «сомнительные» тексты, откры-

вая в них множество полезного, сохраненного помимо эпоса. В итоге мы получим две реконструкции – «эпическую» (гомеровскую) и «прозаическую» (критскую), которые перекликаются между собой и взаимно дополняются. Мы не станем сливать их вместе, оставив некоторые вопросы нерешенными – как для будущих творческих усилий, так и уклоняясь от волевых решений в выборе равнозначных версий.

В заключение мы попытаемся понять место Гомера и Троянской войны в античной цивилизации – по крайней мере, в том интеллектуальном багаже, который эпос позволил разработать величайшим греческим мыслителям Платону и Аристотелю. Что Гомер вложил в их мировоззрение? И что мы можем взять от древностей Троянской войны для современности? Мы увидим, что история сохраняется совокупными усилиями творческого гения лучших умов эпохи и прозорливостью дальновидных властителей.

* * *

Еще одно замечание, которое мы хотели бы предпослать тексту книги – о научном оформлении результатов исследования. Проблема Троянской войны относится к фундаментальным проблемам науки, но при этом гомероведение (и шире – антиковедение) превратилось в анахронизм классического образования, изнуряющий студентов, но не приносящий ни в науку, ни в образование ничего по-настоящему полезного. Сопряжение науки с университетским образованием и массивизация слоя образованцев ведут либо к измельчанию исследовательских задач, либо к ложной фундаментальности, когда монографии становятся вторичным продуктом – исследуют исследования исследуемого.

Особенность гомероведения – огромная библиография, которая, казалось бы, не оставила без внимания ни одного слова из троянского эпоса. Но на деле общего понимания не складывается, а значит, вся эта паранаучная литературная работа бесполезна – она устилает замкнутый круг, по которому добраться до истины невозможно: разве что удастся мельком миновать ее, не разглядев деталей. Именно по этой причине автор отказывается от библиографических штудий, игнорируя все те огромные напластования текстов, которые отгораживают исследователя от Гомера и его времени. Как и от ссылок, которые все равно никто не читает: непосвященные просто верят в них, а посвященным они не нужны.

Часть 1.

По следам эпического цикла

«Киприи» – предисловие к «Илиаде»

Общеизвестные фрагменты истории и предыстории Троянской войны зафиксированы в «Илиаде», но присутствуют и в других сочинениях. В частности, в «Киприях» – кипрских песнях (возможно, записанных Киприем Галикарнасским), описывающих отрезок времени от похищения Парисом Елены Прекрасной до прибытия ахейцев в Троаду, а точнее – до начала событий, описанных в «Илиаде».

Мифическая история нам известна скорее именно из «Киприй» – от которых сохранились небольшие фрагменты (52 строки), упоминания (около 40 фрагментов) и пересказы-синопсисы. Считается, что «Киприи» были написаны в VII в. до н.э., но основа для них взята уж точно из преданий Троянской войны. Возможно, «Киприи» просто собрали те песни, которые не вошли в корпус «Илиады» и «Одиссеи», чтобы представить события, предшествующие войне. Они были гораздо менее популярны, чем поэмы Гомера, и не поддерживались афинской политикой, замкнувшей на себя наследие предшествующей эпохи. Поэтому «Киприи» были записаны в ограниченном числе экземпляров, последние из которых предположительно погибли во время пожара в Александрийской библиотеке в 273 году.

Пелей побеждает Фетиду в борьбе, выполняя условия заключения брака

Божественная подоплека событий, которые мы реконструируем, сказочна. Все начинается со свадьбы Пелея и Фетиды, отданной Зевсом замуж, чтобы самому не получить от нее потомства, которое, по предсказанию, лишит его власти (или же – просто по воле Геры, «официальной» супруги Зевса – подобные разночтения в мифологии нас не очень волнуют).

На свадебный пир забывают пригласить Ириду – богиню раздора. И она затевает ссору между богинями Герой, Афиной и Афродитой, заспорившими, кто из них красивее. Богини по воле Зевса отправляются на гору Ида, где юный принц-пастух Парис почему-то должен их рассудить. При этом каждая из богинь идет на подкуп, предлагая пастуху вознаграждение. То есть, богини не рассчитывают на добросовестную оценку своей красоты, и Парис в ней тоже не заинтересован. Он выбирает не красоту, а дар от одной из богинь. Больше всего ему (может быть, по молодости лет) приглянулось обещание брака с прекраснейшей из женщин – от Афродиты. Афродита празднует победу, достигнутую совсем не в честном соревновании, а Парис (царевич Александр, отосланный из дворца, чтобы его не убили, пытаясь не допустить свершения пророчества о том, что он станет причиной неисчислимых бедствий) строит корабли, чтобы отправиться в Спарту за Еленой Прекрасной. С ним отправляется его родственник Эней. Сестра Париса Кассандра пророчествует об ужасном будущем. Ей, разумеется, никто не верит.

Парис и Эней гостят в Спарте во дворце у Менелая, когда хозяин отправляется на Крит на похороны своего родственника – критского царя. И в это время Афродита сводит Париса с Еленой. Они собирают сокровища и ночью отплывают. Здесь предание сохраняет два варианта событий: либо беглецы уже на третий день с попутным ветром прибывают в Илион, либо буря заносит их в Сидон, который Александр захватывает, и уже оттуда отправляется на родину. Ну а Ирида занимается своим делом – распрями. И сообщает Мене-лаю о похищении его жены и богатств. Начинается подготовка к походу против Трои – формально за Еленой. Попутно в «Киприях» рассказываются более ранние предания – в порядке поучительных примеров, которые имеют место также и в других сказаниях о Троянской войне.

Гермес сопровождает богинь на суд Париса

Сбор вождей и войск в «Киприях» происходит очень быстро – как и в «Илиаде», время сжимается, чтобы уложить повествование в последовательных событиях без временных зазоров. Это правило эпоса – не допускать лакун, пусть даже и искажая реальные события. Перед отплытием флотилии ахейцев из Авлиды среди героев появляется юный Ахилл, который во время похищения Елены должен был быть еще ребенком. Следовательно, пропущено несколько лет, о чем свидетельствует «Илиада»: подготовка к походу заняла десятилетие.

Елена и Парис

Первое сражение Троянской войны происходит в Тевфрании (в малоазийской Мисии), где ахейцы высаживаются по ошибке. Здесь же происходит первый подвиг Ахилла. Разоренную страну пытается спасти ее царь Телеф, который убивает участника похода ахейцев Ферсандра – царя Фив. В битве Телефа ранит юный Ахилл. Ахейцам приходится отступить, и после отплытия их корабли рассеивает шторм. Корабли Ахилла относит к Скиросу, где он женится на Деидамии и от этого брака появляется на свет Пирр (Неоптолем). Согласно Аполлодору, Ахиллу в это время было около 15 лет. Возможно, в тот же период получает ранение в битве и Патрокл – друг Ахилла. В «Илиаде» этого эпизода нет, но он присутствует в греческой вазописи.

Судя по всему, на этом первый поход ахейцев заканчивается. Потому что Ахилл встречается с Телефом уже в Аргосе, где добронравно помогает царю Мисии исцелиться от раны. Возможно, исцелялась не столько физическая рана, сколько душевная. По другим преданиям, ради исцеления раны Телефа Агамемнон приносит жертвы в Дельфах, а требование исцеления приходит от самого Аполлона. Все это – в компенсацию за грабеж, который был совершен по ошибке. Смягчившийся Телеф обещает указать ахейцам путь к Илиону. Что само по себе странно, ибо путь к Илиону им наверняка известен. Во-первых, туда часто ходят торговые корабли, во-вторых, там бывали не только посольства, но и ахейские воины – всего за поколение до Троянского похода Трой разорил Геракл.

Через несколько лет ахейцы вновь собирают войско в Авлиде, но штормы мешают им отплыть к Илиону. Считая, что это гнев Артемиды, ахейцы приносят ей в жертву дочь Агамемнона Ифигению. В последний момент Артемиды уносит Ифигению к таврам и указывает ей жреческое служение. Ифигения, скорее всего, ошибочно, называется невестой Ахилла –

чтобы герой продолжал свое присутствие в эпосе, и не забывался в событиях, где его роль не была существенной.

После удачного отплытия ахейцы высаживаются на острове Тенедосе близ побережья Трои, где во время пира змея жалит Филоктета и потом его оставляют на Лемносе (следующей швартовке ахейского флота) – якобы из-за ужасного зловонья от его раны. Позднее история Филоктета имеет в эпическом цикле продолжение – именно Филоктет, используя лук Геракла, убивает Париса. Без этого Троию взять было невозможно.

Ахилл перевязывает рану Патроклу

На Тенедосе происходит ссора Ахилла с Агамемноном из-за того, что вождь ахейцев задержался с приглашением юного Ахилла на пир. Скорее всего, это также прибавление в духе «Ахилле-иды» – превращения эпоса в цикл приключений ключевого героя. Для Агамемнона Ахилл пока что не может представлять серьезного интереса, тем более – чтобы перед ним извиняться, как повествуют «Киприи».

Там же на Тенедосе, скорее всего, происходит ссора Одиссея с Ахиллом, и этой ссоре радуется Агамемнон – она ослабляет строптивого Ахилла, готового схватиться за меч даже перед лицом великого вождя ахейцев. Смысл этой ссоры и ее разрешение нам неизвестны. Но последующие события в «Илиаде» говорят о том, что Одиссей определенно находится от

Ахилла на дистанции, предпочитая во всем поддерживать Агамемнона, за исключением предложений об окончании войны.

Острова вокруг Трои, завоеванные ахейцами – Тенедос, Лесбос, Лемнос

Наконец, ахейцы начинают высадку у Илиона. Первый их погибший – Протесилай, которого убивает Гектор. Но троянцы отброшены, и здесь определенную роль играет Ахилл – быть может, наконец, начиная совершать на поле брани прославившие его подвиги. Затем происходит обмен павшими, и ахейцы снаряжают посольство в Трою. Вероятно – Менелая с Одиссеем (а также с Диомедом – по версии), о чем упоминается в «Илиаде». Они требуют назад Елену и украденные богатства.

Посольство терпит неудачу и начинается война – как и в Мисии, с опустошения ахейцами окрестностей столицы. Ахилл разрушает Лирнесс, Педас и другие города. В одном из эпизодов этой войны Ахилл убивает сына Приама Троила – то ли из засады, то ли взяв в плен и приказав задушить его. Также Ахилл похищает стада Энея и убивает другого сына Приама – Местора, пленит еще одного царевича – Ликаона (по Псевдо-Аполлодору).

Троил и Поликсена бегут от Ахилла

К тому же времени относятся и грабительские набеги ахейцев на островные государства, включая Лесбос. В них Ахилл захватывает Брисеиду, Агамемнон – Хрисеиду. И это впоследствии служит поводом для раздора между ними (в «Илиаде»). На Лесбосе Ахилл и Одиссей конкурируют в славе. Ахиллу достается слава покорения Лесбоса, Одиссею – слава победы над силачом Филомелидом (о чем сказано в «Одиссее»).

В стане ахейцев единодушия нет. Порой они порываются отплыть домой, и Ахилл удерживает их. Диомед и Одиссей коварно убивают Паламеда – одного из самых деятельных сторонников войны со стороны ахейцев, который силой принудил Одиссея к участию в походе. Якобы, по воле Зевса, чтобы троянцы смогли продолжать защищаться, а ахейцы были ослаблены. Деяние друзей выглядит нелогично, ибо сами они – тоже представители «партии войны». Скорее всего, убийство связано как раз с изменением позиции Паламеда. На это указывает кризис в ахейском войске, с которого начинается «Илиада».

Паламед, возможно, был неформальным лидером ахейского войска. Предание приписывает ему лечение раненых, строительство маяка в ахейском лагере, доставку пшеницы из Фракии (после неудачной экспедиции Одиссея). Одиссей и Диомед наверняка ревновали к его славе и влиянию, а Одиссей ненавидел его за позор разоблачения его мнимого сумасшествия, когда с Итаки пришлось все-таки отправиться вместе со всеми собирать войско для похода на Трою.

Убийство Паламеда наверняка было санкционировано другими вождями. Потому что в ином случае убийцам грозили как минимум большие неприятности – что известно из истории убийства всеми презираемого Терсита прославленным героем Ахиллом – уже ближе к завершению Троянской войны. Здесь же речь идет об убийстве одного из вождей всего похода.

Предание гласит, что Одиссей подбросил Паламеду письмо Приама и золото – якобы, за предательство. Этим и было объяснено предложение Паламеда закончить войну. По одной из версий, Паламед был подвергнут суду и по его решению побит камнями. Возможно, после этого его труп был утоплен – в порядке позорного пренебрежения похоронным ритуалом. По другой версии, вопреки воле Агамемнона после казни тело Паламеда похоронил Аякс Теламонид. Возможно, также к этому поступку был причастен и Ахилл, а захоронение произошло на Лесбосе, ставшем местом резиденции Ахилла на некоторый период. Судя по характеру Одиссея, он все-таки больше выдумщик, чем душегуб. Может быть, письмо у Паламеда было неподдельное. А его стремление закончить войну было, наверняка, подлинным.

«Киприи» и другие предания доводят до нас существование конкурирующих групп в ахейском войске – близкие друзья Одиссей и Диомед всегда действуют вместе, чаще всего заодно и совместно действуют Нестор, Менелай и Идомей (все трое близки к критским дина-

ствиям). Аякс в «Илиаде» действует обособленно, потому что его друг и родственник Ахилл уклоняется от участия в битвах.

Возраст «Илиады» и ее героев

Древние эпические тексты нельзя воспринимать как литературные произведения. Они носят синтетический характер и являются также летописями и формой хранения прочей исторической и культурной информации. Именно поэтому единоличного авторства у древних эпосов быть не может. Они продолжают и уточняются многими летописцами, украшаются поэтами и «сшиваются» по воле правителей. Тем не менее, эпические циклы цепляются один за другой и представляют собой историю, а не выдумку. Нас может ввести в заблуждение образный язык эпоса, в котором мы с трудом различаем историографию. Тем не менее, она там есть и может быть обнаружена.

Эпический цикл о Троянской войне дошел до нас фрагментарно, зато со множеством повторов, которые подсвечивают с разных сторон один и тот же эпизод или сходные эпизоды. Он содержит некоторые противоречия, но все они могут быть отнесены к пересказу событий разными авторами, а также к искажениям, свойственным заинтересованному подбору текстов из большого корпуса преданий.

Реконструкция Троянской войны может быть предпринята путем отделения мифологических сюжетов от реалистичных описаний. Мифология может интерпретироваться либо как занимательная сказка (и тогда она бесполезна для историографии), либо как способ объяснения того или иного поворота событий (скрытая от людей божественная воля), либо как психологический момент в переживаниях героев (скрытый диалог с богом, угрызения совести и так далее).

Троянская эпопея известна нам по нескольким древним произведениям. Причем, написаны они были примерно в одно время, а авторы были свидетелями и участниками войны. Хотя принято считать, что Гомер жил в VIII веке до н.э., «Илиада» не содержит информации о злоключениях героев Троянской войны после взятия Трои, которые Гомеру были известны – и это отражено в «Одиссее». «Илиада» обрывается похоронами Гектора, но автор, переселяя себя в прошлое и приобретая тем самым божественное предвидение будущих событий, уже знает, что Троя падет, а Ахилл погибнет. Правда, он еще не знает, что Одиссей будет скитаться в течение многих лет, прежде чем попадет на Итаку. И соответственно, Одиссей в «Илиаде» не имеет тех эпитетов, которые приобретет в «Одиссее». Автор «Илиады» не знает, что Агамемнон будет убит в результате заговора его жены Клитемнестры. Не знает он и о длительном пребывании Менелая с Еленой в Египте, о судьбе обоих Аяксов и других героев. Отсюда следует, что «Илиада» писалась сразу после падения Трои, а некоторые сюжеты (описание кораблей, описание щита Ахилла, погребальные игры по Патроклу и др.) могли сформироваться еще раньше.

Доводом в пользу раннего формирования базисного текста «Илиады» является представление Гомера о том, что с каждым поколением герои слабеют. Герои Троянской эпопеи бросают камни, которые с трудом подняли бы современники Гомера даже вдвоем. Вопрос: сколько поколений должно пройти, чтобы современники Гомера настолько ослабли? Древние греки предпочитали натуральный ряд чисел и пренебрегали дробями. Поэтому ослабление «более чем вдвое» означает «втрое». Троекратное ослабление героев может произойти за два полных поколения. Поскольку по одной из версий, имевших хождение еще в древности, Гомер является внуком Одиссея, эта версия выглядит вполне правдоподобно.

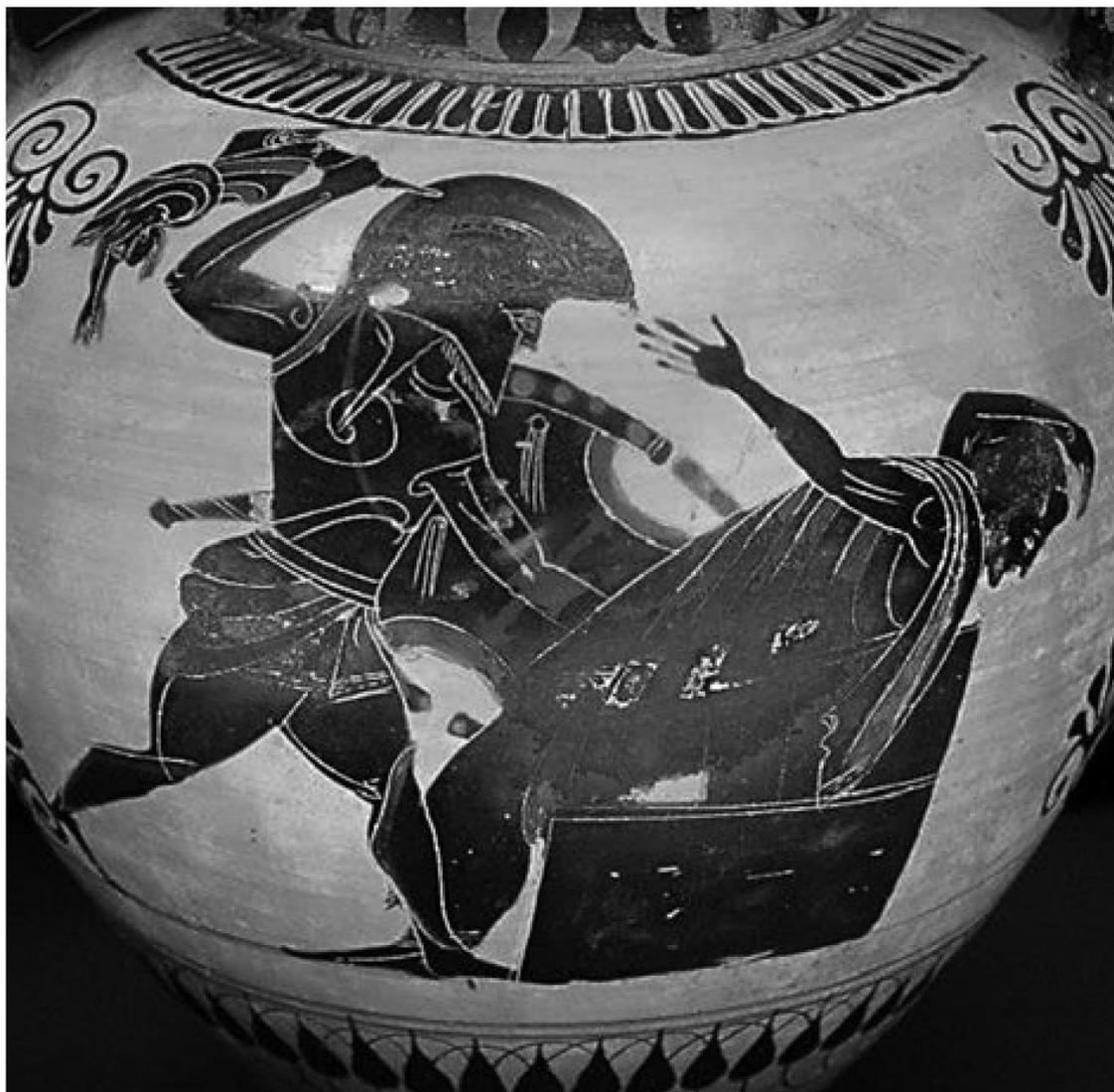
Троянская война, как принято считать, длилась 10 лет. Но в «Илиаде» сказано, что Елена покинула Спарту 20 лет назад. Что означает: к походу ахейцы готовились 10 лет. Цифра кажется немыслимой, но ровно столько же готовился к войне с греками Ксеркс, которому надо было наказать Афины за непокорность и разгром его экспедиционного корпуса в битве при Марафоне.

Судя по всему, за оскорбленную честь Менелая поначалу не было охотников сражаться. Именно поэтому поход готовился так долго и, вероятно, был связан с существенными изменениями политической ситуации – утверждением гегемонии Агамемнона.

Из контекста «Одиссеи» следует, что Телемах в семье Одиссея родился непосредственно перед походом. Мнимое сумасшествие Одиссея, намеренного таким способом уклониться от участия в общей экспедиции в Трою, было разоблачено, когда новорожденного положили поперек борозды, которую через мгновение должен был распахать Одиссей, прикинувшийся помещанном, на своих быках. Таким образом, возраст Телемаха равен времени Троянской войны плюс время скитаний Одиссея – итого, около 18-20 лет. Что соответствует сюжету «Одиссеи»: Телемах в поэме является молодым человеком, почти юношей. Следовательно, Одиссей присоединился к экспедиции лишь в самый последний момент.

То же самое можно сказать и про Ахилла, которого мать, богиня Фетида, прятала среди девушек, зная, что участие в войне для ее сына будет гибельным. И только дары, среди которых было оружие, позволили разоблачить его: найти переодетого юношу среди девушек. Ахилл схватился за оружие, а не за украшения. Судя по всему, Ахилл был очень юн – не старше 15 лет. И его воинская доблесть проявилась лишь в процессе войны, пока 10 лет ахейцы разоряли Троаду.

В «Илиаде» Ахилл поминает о своем сыне Неоптолеме, который воспитывается на Скиросе. Ахилл называет его «мальчиком». В «Одиссее» говорится о том, что Неоптолема приходится привезти под Трою, поскольку по предсказанию город без него не падет. Из других источников известно, что под Троей Неоптолем выступил как блестящий воин, убивший 6 троянцев, а затем был с другими ахейцами в Троянском коне и во время разорения Трои убил Приама.

Неоптолем убивает Приама

После разграбления Трои ему в качестве трофея досталась Андромаха, вдова Гектора, с которой он и вернулся на родину. Но возникает проблема. Если Неоптолеми никак не менее 16 лет, а Ахиллу едва ли более 30 (15 лет во время войны в Мисии + около 10 лет войны под Троей и несколько лет между этими событиями), то чей же сын Неоптолем? Противоречие может быть разрешено тем, что Неоптолем является приемным сыном. Или же история с троянским конем отделена от похорон Гектора еще одним десятилетием? Мы можем утешиться тем, что Неоптолем был зачат Ахиллом в очень юном возрасте – что для сына царя возможно. Еще десять лет войны под Троей – и мальчик вырос в бойкого юношу. Кстати, данная проблема вполне определенно указывает на длительность Троянской войны.

Поскольку в отыскании Ахилла среди девушек принимал участие Одиссей, нам придется предположить, что впоследствии он охладил к идее отправиться в Трою, и поэтому пытался прикинуться сумасшедшим. Ахилл же был вовлечен в подготовку к войне до этого момента. Остается вопрос: зачем Одиссею и другим инициаторам войны нужен юноша Ахилл? Может быть, его миссия уже была известна из предсказаний, в которые гомеровские герои верили столь же глубоко, как и классические греки.

Историчность Неоптолема неоспорима: от него идут родовые связи, генеалогия царей Эпира, истории конфликта с дельфийцами и Орестом, с которым Неоптолем столкнулся после Троянской войны в борьбе за руку Гермiony – дочери Менелая и Елены. Отсюда мы можем

вывести, что, называя сына «мальчиком», Ахилл просто вспоминал его в возрасте, когда отправлялся на войну.

Проблему возраста Ахилла мы можем разрешить и иначе – не предполагая, что он еще почти мальчиком стал отцом. Для этого придется согласиться с тем, что уже в начале войны Ахиллу было около 30, а Неоптолему около 10 лет. Следовательно, Ахилл оплакивает Патрокла, достигнув возраста уже около 40 лет, когда Неоптолем уже вырос, но в памяти отца он еще мальчик. Тогда история с юным Ахиллом, спрятанным Фетидой среди дев, оказывается выдумкой – повтором какого-то другого сюжета. Или даже слухом, дискредитирующим Ахилла, к которому Гомер относится без особого пиетета. Нам легче отказаться от этого сюжета, чем пересматривать все остальные, где лишнее десятилетие, необходимое для того, чтобы Неоптолем вступил в войну взрослым, создает неискоренимые противоречия.

Таким образом, Ахилл, вступая в последние битвы Троянской войны и сражаясь с Гектором – уже совсем не юн. Это зрелый муж, воевавший целое десятилетие под Троей и в ее окрестностях. Его «быстроноготь» – это характеристика, ставшая стойким эпитетом в самом начале войны. И мы увидим, что эпитет к концу войны уже не соответствует реальности: Ахилл не может догнать убегающего противника.

Уловка Агамемнона

Считается, что «Илиада» связана с заключительной фазой войны, возможно – с последним годом осады Трои. Гомер изложил события этого года сжато, соединив в один день и масштабный разлив реки Скамандр, погубивший отступающее войско троянцев, случившийся, скорее всего, весной, и испепеляющий летний зной, иссушивший Скамандр. Гомер описывает вмешательство бога Гефеста по просьбе его матери Геры, которая хотела спасти от волн Скамандра, наполненного водами горных рек, своего подопечного Ахилла. Это снова весенний сюжет. Значит, время в «Илиаде» спрессовано. Не говоря уже о том, что оно может быть и «перетасовано».

«Илиада» начинается с довольно-таки безобразного спора между Агамемноном и Ахиллом.

Ахейцы требуют от Агамемнона вернуть Хрису его плененную дочь, чтобы умиловать Аполлона, наславшего на них чуму в отместку за оскорбление его жреца. Агамемнон противится: Хрисеида ему настолько по душе, что он намерен ввести ее в свой дом, отдав предпочтение перед ожидающей его из похода женой Клитемнестрой. Но приходится уступить. И тогда Агамемнон заявляет, что не собирается оставаться без своей доли добычи. Он требует, чтобы ахейцы возместили ему потерю Хрисеиды. Ахилл разумно, но довольно грубо, предлагает Агамемнону не требовать излишнего. Ведь после каждой победы он получает большую и лучшую часть военной добычи! Гордость Агамемнона, и так ущемленная необходимостью отдать Хрисеиду, страдает от наглости Ахилла еще больше: Ахилл публично попрекает его! И тогда Агамемнон заявляет, что именно за счет Ахилла и возместит свою потерю, а если тот не согласится, сделает это силой.

Здесь образ яростного героя сразу бледнеет: Ахилл раздумывает, не выхватить ли меч и не убить ли Агамемнона прямо сейчас – вместе с его охраной. Но отступает. Мифология смягчает удар по целостному образу: оказывается, у богини Афины на счет Ахилла другие планы, и она (невидимая окружающим) одергивает своего подопечного за волосы. Здесь Афина – это внутренний голос Ахилла, его разумность и расчетливость.

Ахилл уступает свою любимую наложницу Брисеиду, но при этом грозит, что попытка взять у него еще что-то закончится выпущенными у Агамемнона кишками. Он отказывается помогать Агамемнону в штурме Трои, а его отчаянные мирмидонцы остаются у своих кораблей, где и так уже полно добычи из малых троянских городков.

Хрис просит Агамемнона вернуть ему дочь

До гибели Патрокла в течение большей части «Илиады» Ахилл бездействует. Слава лучшего воина подтверждена лишь словами. О каких-либо подвигах Ахилла до его вступления в битву «Илиада» не сообщает. Скорее всего, слава разгрома троянцев и победы над Гектором осветила всю судьбу Ахилла, которая до этого была не особенно яркой. По крайней мере, ахейцы никак не поддержали его в споре с Агамемноном и прибегли к помощи его войска лишь в самый критический момент битвы, когда троянцы уже достигли их кораблей.

После скандала, едва не кончившегося поножовщиной среди ахейцев, проходит 12 дней. В мифологическом сюжете это время, когда Фетида ожидает возвращения Зевса с пира у эфиопов, чтобы припасть к его коленям с мольбой о защите сына от бесчестия. И Зевс решает, что ахейцы будут терпеть поражение от троянцев, пока в битву по своей воле не вступит Ахилл. Но как заставить ахейцев, угнетенных эпидемией и распрей, вновь ополчиться? Не воюя, не испытаешь поражения. Зевс использует очень сомнительный метод: во сне сообщает Агамемнону, что тот уже завтра захватит Трою. При этом обманывая царя: замысел лишь в том, чтобы ахейцы пошли в бой, но потерпели бы сокрушительное поражение.

Очнувшийся ото сна Агамемнон размышляет, как ему заставить ахейцев, погружившихся в праздность еще на 12 дней, вновь почувствовать вкус к битве. Эпидемия уже остановлена (конечно, не волей Аполлона по мольбе Хриса, получившего обратно свою дочь, а в результате очистительных мероприятий, которые в те времена предполагали окуривание парами серы, а также другие не вполне ясные из текста «Илиады» средства). Его решение явно не имеет никакой связи с мифологическим сюжетом о сне. Он совершает крайне рискованный шаг: созвав ахейцев, он сообщает им, что Зевс повелел ему возвращаться в Аргос. И предложил грузиться на корабли. Тем самым он вроде бы хотел спровоцировать активность жаждущих сражений, которые должны были бурно протестовать. И этот расчет оправдался. Те, кто первыми броси-

лись к кораблям, проявили себя как смутьяны и были изловлены. Почти сразу им была обещана смерть: когда войско решилось сражаться, Агамемнон прямо заявил, что любой, кого он заметит у кораблей, а не в сражении, станет трупом и будет сожран псами и расклеван птицами. Исключение по умолчанию допускалось только для Ахилла и мирмидонцев. Впрочем, их лагерь был на отшибе и, возможно, обособлен отдельным укреплением и протокой дельты Скамандра.

Агамемнон применил очень тонкий прием: тайную оппозицию своим планам захвата Трои он сделал явной, консолидировал «партию войны» и склонил на ее сторону колеблющихся. В этом ему сильно помогли увещевания Одиссея, который пользовался уважением среди ахейских героев и вождей. Скорее всего, «партия войны» в результате внезапно обострившейся распри победила «партию мира», поскольку бросившиеся к кораблям могли завладеть общей военной добычей, и их поведение было воспринято как попытка отплыть с чужими богатствами и присвоить их себе. А также лишить более воинственных ахейцев их кораблей и, что более важно, ожидаемой победы.

Понятно, что Агамемнон смог сломить безволие, столкнув между собой по-разному настроенных ахейцев. Но вряд ли он мог сознательно исказить волю Зевса, явившегося ему во сне. Как и ахейцы не могли ополчиться вопреки объявленной воле бога, которая была подкреплена также волей их вождя. Агамемнону невольно помог Ахилл. Сконцентрировав на нем свой гнев, царь дал остальным понять, что не потерпит неповиновения, и многие решили, что противостоять воле Агамемнона не стоит. А тут еще подвернулся Терсит («дерзкий») – карикатура на Ахилла. Он стал ругать Агамемнона теми же постыдными словами, что и Ахилл. И тут же получил от Одиссея удар тяжелым скипетром по спине. Его ужимки насмешили окружающих и сняли с Агамемнона оскорбления, превратив их в нелепость. Ахилл, уподобленный Терситу, остался в одиночестве. Отказаться от войны теперь для любого ахейца было бы смешным и позорным. Подобный позор мог перенести только Ахилл, выжидая момент, когда ахейцы не смогут обойтись без него.

Как это было принято в древних обществах, внутренние проблемы разрешались изгнанием «козла отпущения» – реального козла или человека, осуществляющего ту же функцию концентрации всеобщего недовольства самими собой и нейтрализации конфликта в фигуре общего и немощного врага.

Значительную роль сыграло численное превосходство ахейцев, о котором громогласно провозгласил Агамемнон: это превосходство более чем десятикратное. И лишь союзники, помогающие троянцам, позволяют им оказывать хоть какое-то сопротивление. Для штурма Трои армия ахейцев не только скопилась, собравшись вместе после грабежей Трояды (в чем и прославился Ахилл, как это следует из позднее приведенных в «Илиаде» сведений), но и сплотилась. Во время эпидемии она невольно отдохнула от брани в безопасности – в отстроенных за долгие годы войны племенных резиденциях, обнесенных мощным частоколом.

Повлияло на ситуацию также предложение Нестора вернуться к древнему построению войска по филам и фратриям. Вероятно, к тому времени построение войск по видам (легкая пехота и лучники, тяжелая пехота, колесницы) уже стало обычным. Но чтобы возбудить воинственность ахейцев, Нестор предложил им агон – соревнование родов и племен ахейцев между собой. Каждый род или племя должны были показать свою доблесть в битве и сравнить себя с другими. Но позднее, когда ахейцы находятся на грани поражения, войско снова строится по прежнему порядку – впереди наиболее сильные воины с самыми большими щитами и лучшим вооружением, независимо от племенной принадлежности. Пока же агон позволяет еще и определиться с долей добычи – какому племени надлежит забрать большую ее часть. Одновременно это был вызов мирмидонцам и Ахиллу, которые явно упустили свою выгоду при ожидаемом крахе Трои.

Начало сражений и поединок Париса и Менелая

Первое столкновение ахейцев и троянцев в «Илиаде» явно относится не к заключительному, а к начальному периоду войны. Иначе невозможно объяснить ни расспросы Приама о том, что за вождей он видит в ахейском войске, ни попытку примирения и разрешения спора о том, кому будет принадлежать Елена Прекрасная, в поединке Париса и Менелая.

Если прошло почти 20 лет (10 лет приготовлений и почти 10 лет войны), то пояснения Елены об ахейских героях были бы нелепы: большинство из них Елена могла знать лишь мальчиками. За прошедшие 10 лет войны Приам уж как-нибудь оказался бы в курсе того, кто возглавляет ахейские племена – герои должны были проявить себя в прочих сражениях и штурмах городов. Также после 10 лет войны был бы совершенно нелепым поединок Париса и Менелая, поскольку подобные попытки ранее должны были уже внушить обеим сторонам представление о вероломстве противника. Наконец, борьба за Елену к тому времени носила бы уже совершенно условный характер: она оставалась бы в браке с Парисом уже почти 20 лет – значительно больше, чем была замужем за Менелаем. И по некоторым версиям уже имела сына или даже несколько детей от Париса.

Таким образом, все комментарии Елены, представляющей ахейских героев Приаму, взвизгивающему на их войска со стен Трои, весь ритуал клятвы перед поединком Париса и Менелая и сам поединок – это события самого начала Троянской войны, возможно, сразу после высадки ахейского войска. И Ахилл не перечислен среди вождей ахейцев не потому, что остался у кораблей, а потому что еще слишком молод и ничем не прославлен – не имеет славы лучшего воина и Елене уж точно не известен.

Ритуал клятвы, который проводит Агамемнон в присутствии Приама, сопровождается очень странной речью, в которой оговариваются не только обязательства сторон в случае победы Менелая или Париса, но и возможность отказа троянцев исполнить этот договор. Агамемнон провозглашает, что в случае победы Менелая отказ от выдачи Елены, увезенных ею с Парисом богатств и пени будет означать бесспорное продолжение войны. При этом Приам уже заранее знает, что не потребует от Елены отправиться к своему бывшему мужу, поскольку ее бегство из Спарты было не по ее воле, а по воле богов. Агамемнон уже знает, что результаты поединка будут им истолкованы в любом случае в пользу войны. Таким образом, ритуал возможного примирения превращается в ритуал начала войны. И обеим сторонам известно, что поединок войны не остановит.

Очень часто свои неудачи или успехи участники Троянской войны списывают на богов. Что позволяет и нам при проведении реконструкции деяния и намерения богов интерпретировать как деяния и намерения людей. Так, обстоятельства способствовали бегству Елены в Трою, но без ее выбора это бегство не состоялось бы. Мы никак не можем признать, что доблесть Ахилла обусловлена только милостью богов (в чем его упрекает Агамемнон). Но и подвиги Ахилла мы должны проследить не по рассыпаемым ему похвалам, а по фактам. Ахилл оказывается не таким быстроногим (его отличительный эпитет) – он не может догнать ни обернувшегося в человека Аполлона (реально же – просто человека, воина), ни Гектора – до тех пор, пока Гектор не пожелал прекратить бег. Ахилл убивает множество героев, но не может убить Энея (Аполлон накрывает Ахиллеса тьмой, и он не может поразить противника) и даже получает от него ранение (разумеется, списанное на помощь Энею Афродиты, его матери).

Когда в ходе поединка с Парисом Менелай одерживает верх, происходит непонятный разрыв сюжета. Менелай, оглушив Париса ударом меча о шлем тащит его к порядкам ахейцев (неясно, с какой целью), а ремень шлема, за который ухватился Менелай, душит противника. Ремень лопается, и у Менелая в руках оказывается трофей, который он бросает своим воинам, вместо того, чтобы вновь напасть на противника. Но при этом откуда-то возникает мгла, кото-

рая окутывает Париса и переносит его в Трою к Елене. Мгла – это деяние богов, которое что-то скрывает от глаз людей. Она же накрывает воина, убитого на поле брани. То есть, мгла – это состояние человека, при котором он не может видеть. И именно в это состояние попадает Менелай. Что же с ним произошло? Что опущено в ходе поединка?

Поединок Париса с Менелаем

Следует предположить, что Менелаю тоже досталось от Париса – причем, в тот самый момент, когда он уже торжествовал победу. Дело в том, что Парис в ходе схватки не воспользовался мечом – о мече Париса ничего не сказано, а что он у него был, нет никаких сомнений. Именно этим мечом Парис мог нанести Менелаю такой же удар по шлему, который получил сам. И оглушенный Менелай потерял из виду своего противника, который отступил к рядам троянцев. При этом Менелай был уже безоружен: его копьё застряло в щите Париса, его меч разлетелся в куски при ударе о шлем противника. Парис был оглушен и потерял шлем, но и Менелай был оглушен и безоружен.

Вернемся к началу сюжета, когда Парис, еще не облаченный в доспехи, как будто бы отступает к своим воинам, испугавшись грозного вида Менелая. Это отступление предвещает переговоры о поединке. Действительно, странно видеть Париса, который потрясает копьём и вызывает ахейских героев на поединок, а потом, увидев Менелая, отступает и предлагает Гектору провести переговоры о поединке. Это, по сути дела, единственный эпизод «Илиады», в котором Парис проявляет слабость, а потом преодолевает ее, упрекаемый Гектором. Мы можем предположить, что этой романтической истории не было, что само начало войны было связано с попыткой примирения и заменой сражения поединком двух ревнителей красоты Елены и привезенного ею в Трою богатства (скорее всего, ее приданого). Формальной попыткой, которая ничего не решала. Отступление же Париса связано исключительно с необходимостью подготовиться к поединку после того, как вызов на битву был принят.

Неслучайно в «Илиаде» не звучит упреков в адрес троянцев за их вероломство. А они наверняка были бы, если бы Парис проиграл поединок. Парис не проиграл. Но, очевидно, и не «исчез» с поля брани. Он отступил, сразившись с Менелаем на равных. И тогда ахейцы и троянцы бросились в бой. Или отступил, именно когда обе стороны устремились в битву.

Париса троянцы могли порицать только за отказ вновь встретиться в поединке с Менелаем. На это робко пытается подвигнуть его и Елена. А в троянском войске все недовольны, что поединок не возобновлен – вероятно, в связи с надеждой, что войну все еще можно остановить, если Парис проиграет поединок, а Приам отдаст Елену ахейцам. Но Парис не видит смысла

в повторном поединке, ибо он уже отстоял Елену для себя, а Приам вовсе не собирается ни жертвовать сыном, ни отдавать Елену, которая и сама как-то не рвется к прежнему мужу.

Жестокие боги жаждут войны, люди страшатся кровопролития

Божественный вариант руководства людьми – это организация распри между ахейцами и троянцами, которые вовсе не хотят воевать, прекрасно понимая, что клятвы перед поединком – это спектакль, который не стоит пролитой крови. Гера уламывает Зевса, чтобы тот послал Афину как-то подтолкнуть обе стороны к сражению. Афина вселяется в Лаодока, сына Антенора, ближайшего сподвижника и советника Приама. И побуждает Пандара, сына Ликаона применить свое искусство и подстрелить Менелая.

Афина действует странно. Почему бы ей не вселиться прямо в Пандара и без всяких разговоров просто убить Менелая? Нет, богиня полагается на уговоры, а также на вполне человеческое искусство стрельбы из лука.

Скорее всего, эта сцена уже не из первой битвы, а из последующих. Потому что Пандару обещается благодарность Париса-Александра: если не будет его противника, ему не нужно будет выходить на поединок перед очередным сражением и участвовать в нелепом ритуале, который все равно войну не остановит.

Афина в лице Лаодока фактически обещает за убийственный выстрел из лука прекращение войны – возвращение Пандара в Зелию, где он должен будет принести жертвы Аполлону-Фебу за удачу. Но это такая же уловка, как и поединок Париса и Менелая. Разве война может быть остановлена убийством одного из ахейских героев? Напротив, она разгорится еще сильнее!

Афина идет на обман, чтобы растравить у воинов желание сражаться. При этом она сама не может стрелять из лука, потому что это не ее прерогатива. Она манипулирует только копьем. Кроме того, если бы даже она в облике Пандара выстрелила из лука, Менелай был бы мертв. Ибо богиня не может промахнуться. Именно поэтому она лишь убеждает Пандара выстрелить. И сама же предотвращает серьезные последствия этого выстрела. Гомер с подробностью описывает, как искусный Пандар натягивает тетиву «до сосца», чтобы железный наконечник стрелы оказался у изогнутого лука. Афина отклоняет стрелу Пандара, направляя ее в двойную броню у пояса, где соединяется панцирь и бронированная юбка Менелая, который не должен быть убит, но его ранение должно возмутить ахейцев.

Божественная логика в этой сцене соблюдена. А вот человеческая – не вполне. Ибо благодарность от Париса – не то, что привлекает воина, который может погибнуть в битве, спровоцированной им самим. (Позднее Пандар дважды поражает Диомеда, но Афина отводит его стрелы и дарует аргивянину победу над Пандаром). Скорее всего, мы имеем дело с моментом перемирия или паузы в битве, когда войска стоят на расстоянии полета стрелы и достать противника может только самый искусный лучник. К поединку Париса и Менелая этот эпизод не имеет никакого отношения.

Менелай получил только легкое ранение – рассечение кожи. Но вид обильного кровотечения устрашает его брата Агамемнона, который проклинает троянцев и обещает им гибель. А заодно проклинает и себя, что выставил своего брата Менелая сражаться. И это тоже странно: как будто до выстрела Пандара Менелай не подвергался смертельной опасности. И как будто грядущие сражения для Менелая могут быть безопасны. Если бы Агамемнон беспокоился о жизни брата, то не выставил бы его на поединок и постарался ограничить его участие в битвах. Но Менелай – один из самых заметных участников всех битв, описанных в «Илиаде». Видимо, Агамемнон огорчился по другой причине – оттого, что Менелай не смог убить Париса.

Наконец, третья странность: ахейцы продолжают оставаться на месте, не вступая в битву, пока ходят за врачом для Менелая. Властелины ахейцев становятся в круг и наблюдают, как будут его врачевать. Тем временем троянцы идут в наступление. И пока они идут и идут...

Идут и идут... Агамемнон обходит свои войска и склоняет их к участию в битве. Похоже, что никто не знает, откуда прилетела стрела, войска не заметили ранения Менелая – ни ахейцы, ни троянцы. И только вожди ахейцев получают сообщение об этом и решают, что дальше делать.

Почему же ахейцы не думают наступать? Потому что им неясен исход поединка или же они ждут, что эти результаты побудят одну из сторон выполнить свои клятвы. Повода для битвы еще нет. Нет взаимной ненависти, нет заранее оговоренной стратегии на тот или иной случай. Войско ахейцев надо побуждать к наступлению, поскольку такового не планировалось. Либо Менелай заберет Елену и богатства, и война будет закончена, либо Менелай будет повержен и можно будет без боя уходить к своим кораблям. Выходит, что в коварные планы вождей ахейское войско не посвящено? Может быть, не было и никакой стрелы Пандара? Тогда получается, что ранение Менелая от Париса выдают за коварный выстрел из лука, которого никто не видел. В таком случае разумно, что троянцы неспешно наступают, ожидая, что ахейцы отступят, увидев, что Менелай не может продолжать схватку с Парисом. А те не поймут, что случилось, и Агамемнону приходится обходить войска с придуманной версией исхода поединка.

Агамемнон порицает своих воинов за страх, сковавший их действия. Единственный его аргумент, который определяет главный мотив сражений ахейцев в поздний период войны, – не дать троянцам захватить корабли, после чего возвращение на родину будет невозможным. И для троянцев это тоже аргумент: уничтожь они корабли ахейцев – и война будет закончена.

Ахейцы, очевидно, не хотят воевать. И это обстоятельство, конечно же, не начала войны, а начала последнего ее периода, когда сражения всех изнурили. На битву движутся только отдельные отряды, сохранившие высокий дух – критяне Идомея, ахейцы обоих Аяксов. Нестору приходится робких ставить в середину, а пылких воинов – сзади строя, чтобы подгонять трусливых. Впереди Нестор поставил конницу – фалангой, а не толпой и не отдельным отрядом в стороне. Таким образом, конница служила не мобильной частью войска, а ударной – для первого напора на врага. Причем, из контекста ясно, что «конницей» считались не верховые воины, а воины на колесницах, где один возница, другой – орудует пикой и бросает дротики.

Начало любой битвы – это столкновение колесниц с колесницами. При этом они не атакуют пеший строй противника, а носятся между противостоящими войсками. Раненых колесницы тут же уносят к своим, туда же отправляются трофейные колесницы и упряжки или же отвоєванные доспехи, которые совлекают с поверженных врагов.

Сцена после ранения Менелая относится к подготовке сражения. Это выглядит достаточно нелепо: троянцы уже наступают, а ахейцы еще только выстраиваются для сражения. А афиняне Менесфея и кефаллены под командованием Одиссея еще и не слышали тревоги и стоят праздно. При этом все ахейские вожди только что были вокруг Менелая. Мы должны предположить перестановку событий, которая связана с общим стилем эпоса, в котором каждое действие должно быть завершено, прежде чем начнется другое действие. Поэтому в реальности сначала Менелай ранен, потом происходит сражение, а после сражения Менелая врачуют, и ахейские вожди собираются вокруг него. При этом в одно событие сливаются два: раннего и позднего периода, которые сходны беспорядком в войске ахейцев и понуканиями Агамемнона в адрес не готовых сражаться воинов.

В войсках Агамемнона, судя по описанию битвы, царит беспорядок. Одни ахейские «башни» наблюдают, пока другие ударят на врага, и завяжется битва. Таким образом, нет какого-то плана, нет управляемости войсками. Агамемнону приходится обходить всех пешком и уговаривать вождей двинуть свои отряды.

Одиссей страшно обижается на упреки Агамемнона и отвечает ему почти грубо, называя слова царя пустыми. Затем Агамемнон обрушивается с жестокими упреками на Диомеда (видимо, отстоящего со своим войском от Одиссея достаточно далеко). Он рассказывает Диомеду целую историю про его отца Тидея и его победы. Упреки Диомеду за то, что он «добле-

стью низший» в сравнении с его отцом, явно относятся к начальной фазе войны. Ибо по поводу Диомеда за многие годы сражений в Троеде должна была уже сложиться слава могучего воина. Но на данный момент ее еще нет. Стоявший рядом с Диомедом Сфенел, сын Капанея, в ответ на упреки похваляется вовсе не подвигами в Троянской войне, а успехами в Походе эпигонов, в результате которого были разрушены могучие Фивы.

Приготовление к битве из раннего периода Троянской войны: войско еще не слажено, а вожди стоят во главе своих отрядов и ждут указаний. В более поздний период вожди сражаются впереди, увлекая за собой не какие-то отдельные отряды, а войско в целом. Племенное построение, предложенное Нестором, на последнем годе войны – это возврат к порядку, который отражен в Перечне кораблей. Логично считать, что отряды ахейцев, как прибыли на кораблях, так и составили войско – по племенам. Но в первой же битве племенной порядок показывает свою неэффективность.

На десятом году войны племенной порядок построения ахейского войска снова был возвращен на короткое время, чтобы воодушевить воинов агонем. Неслучайно погребальные игры по Патроклу, столь подробно описанные в «Илиаде», устраиваются во время войны, когда все и так истомлены сражениями. Герои находят в себе силы, чтобы устроить спортивное состязание и поднять дух воинов.

В сцене подготовки к сражению смешиваются ранний и поздний периоды войны. Из позднего периода – нежелание сражаться, из раннего – отсутствие славы у ахейских героев и слабое взаимодействие между племенными группами.

Первая битва «Илиады»

Итак, первое сражение Троянской войны начинается с поединка, в котором вопрос о победе не разрешается однозначно. Но ахейцы прибыли под Трою вовсе не для того, чтобы спорить о том, кто победил в поединке, а для войны. Именно поэтому Агамемнон страстно призывает своих воинов на битву, обвиняя троянцев в нарушении клятв и не требуя от них исполнения договора о том, что победителю достается Елена и ее приданое.

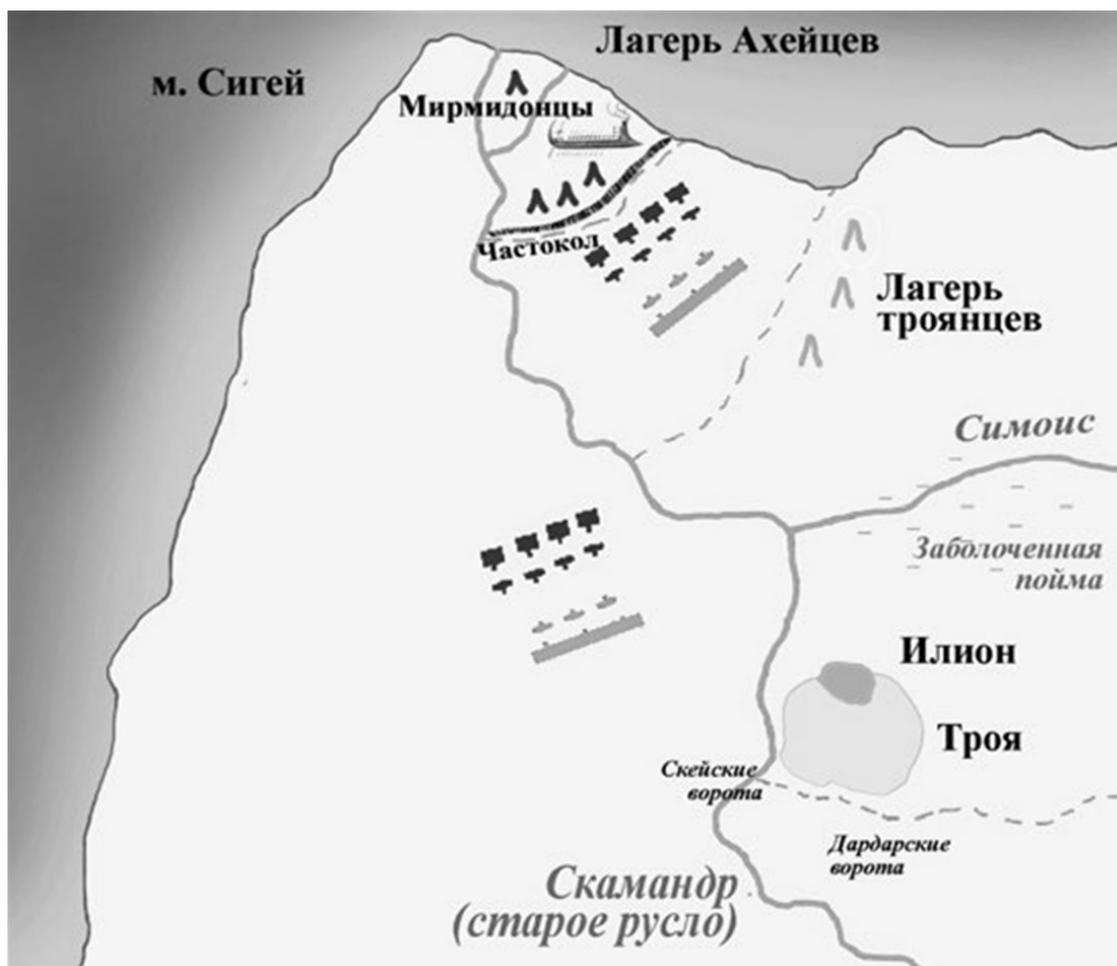
Битва начинается сразу за поединком, и тут уже не до клятв и договоров. Первая стрела со стороны троянцев ранит Менелая, и он участия в сражении не принимает. После сражения выясняется, что рана не такая уж серьезная. Более того, Менелай в этой битве, как полагает Гомер, все же участвует и даже убивает одного из молодых троянских воинов. И здесь мы снова видим смешение. Эпизод с участием Менелая – скорее всего, из следующей битвы. Просто без Менелая Гомеру трудно представить себе какое-либо сражение. Ведь Менелай по своей роли и данным ему характеристикам – немногословен. Поэтому он как герой может состояться только в действии.

В первой битве отряды ахейцев построены по племенному порядку, поэтому взаимодействие между ними очень слабое. Тем не менее, их мощный напор теснит троянцев, прежде всего, в центре, где им противостоит Гектор. В центре наступают Аякс Теламонид и Одиссей со своими друзьями и воинами. Но там, где ахейцам противостоят «высокочубастые» фракийцы (в шлемах с высокими гребнями и конскими хвостами на них), они оказываются отброшенными.

Упорные схватки возникают всюду, где обе стороны пытались отбить или защитить тела павших героев и вождей. Это локальная картина битвы – концентрация сил образуется там, где идет схватка за трофеи (тела павших воинов противника представляют интерес не только как символ победы, но и как носители драгоценных медных доспехов).

Решительный перевес ахейцев на одном из флангов обеспечили подвиги Диомеда, а в центре успех обеспечило личное участие Агамемнона. Часть троянского войска обращается в бегство, и многие их воины поражены копьями в спину. Агамемнон убил одного из бегущих врагов, вождя гализонов. Лучше других готовые к битве критяне Идоменея также имели успех, но об успехах самого Идоменея не сообщается.

Тем не менее, тотального разгрома троянцев не получилось. Большой урон ахейцам нанесли ликийские лучники. Пандар ранил Диомеда, но Сфенел извлек стрелу из плеча, и Диомед снова бросился в битву. Но уже не на колеснице, а пеший – в переднем строю ахейцев. Судя по тому, что рядом с Диомедом нет других героев, его подвиги совершаются на фланге ахейского войска. Там против ахейцев действуют Эней и Пандар с ликийскими лучниками. Оба героя нападают на Диомеда. Пандар с колесницы, управляемой Энеем, мечет копьё и пронзает щит Диомеда, но ответным ударом копья Диомед поражает героя в голову. Энея, пытавшегося защитить тело Пандара, Диомед поражает камнем, раздробив ему бедро.

Места сражений Троянской войны

Если бы не божественное вмешательство, повторяющее историю с Парисом, быть бы Энею убитым. Афродита унесла своего сына из боя так же, как Париса с ристалища, где он рисковал быть убитым Менелаем. Но Диомеду смутить взор на этот раз не удалось, и герой догнал богиню и ранил ее в руку копьем. Афина насоветовала ему не бояться богов. Темное облако вокруг Энея снова распространил Аполлон. А раненной Афродите приходится удалиться на Олимп. Тем временем Диомед трижды бросается на Энея, но Аполлон его отражает щитом, а на четвертый кричит грозно, и Диомед отступает: про сражение с Аполлоном Афина ему ничего не говорила.

Пока Энея лечат боги, призрак Энея продолжает сражаться в рядах троянцев. Арей же помогает троянцам, приняв облик фракийского вождя Акамаса. Фланг фракийцев с Энеем и Акмасом побеждает, а в центре на помощь Гектору приходят ликийские лучники во главе с царем Сарпедоном. Бегущих троянцев Гектор, уязвленный упреками Сарпедона, смог остановить и сомкнуть ряды. Арей окутывает уже все войско троянцев мглой, которая не позволяет поражать их оружием, и битва начинает клониться в их пользу.

Битва, согласно построению войск, проходила таким образом. Между пешими фалангами метались колесницы, и герои бились до тех пор, пока не освобождали пространство для столкновения фаланг. Лучники начинали действовать, когда могли прицелиться, не рискуя попасть в своих. Также между фалангами схватка обычно кончалась тем, что доспехи и колесницы поверженных героев становились трофеями, и, как правило, этому никто не препятствовал. Разумеется, пока соблюдались обычаи войны.

Разнородность троянского войска еще больше, чем ахейского: если ахейцы говорят на одном языке (впрочем, в сочинении Диктиса говорится, что ахейцы говорят на разных языках), то в троянском войске многоязычие: богатства Трои позволяют привлечь к защите города многих союзников. Гектору, как и Агамемнону, приходится обходить все войско, призывая к наступлению на врага.

Диомед убивает спящих фракийцев

Убирая «божественный налет», мы видим всю картину битвы: поначалу одолевают ахейцы, получив успех в центре боевой позиции и на одном из флангов, где действует Диомед. На другом фланге фракийцы отражают ахейский напор. Положение выравнивают ликийские лучники, которые ценой гибели Пандара отбрасывают ахейцев. Наконец, Гектор восстанавливает порядок в центре – прекращает бегство и выстраивает фаланги. Ахейское войско оказывается в полуокружении и должно отступить.

На этом первую битву можно считать завершенной. А дальнейшее повествование в «Илиаде» рассматривать как следующую битву.

Вторая битва «Илиады»

Вторая битва под Троей, как и положено, начинается со статической позиции. Ахейцы выстроились в боевой порядок, ожидая нападения. И эта битва разительно отличается от предшествующей. Прежде всего – перемещением целого ряда ахейских героев на фланг, где войско возглавляет Диомед, а потом переброской подкрепления с этого фланга в центр сражения.

Общий рисунок начала сражения определяется тем, что Афина символически оставляет ахейцев, лишая их своей поддержки, а Аполлон подстрекает Аррея помогать троянцам. Что между предыдущей битвой и новой возникла значительная пауза, подтверждает тот факт, что Эней оправился от раны и готов к сражению. Может быть, рана и не была серьезной. Ведь призрак Энея – это сам Эней. А кого лечили боги от раны, нас при реконструкции событий интересовать не должно.

Построение войска ахейцев изначально прежнее: в центре Одиссей, по флангам Аяксы и Диомед. Но при этом основные действия разворачиваются поначалу именно на фланге Диомеда. Здесь оказывается Агамемнон и тут же убивает друга Энея Деикоона. Эней в отместку убивает двух ахейских героев. Тут же появляется и Менелай, выступающий против Энея. Схватки не происходит, потому что рядом с Энеем объявляется Антилох, сын Нестора. Противостоять сразу двум героям Эней не может, а те решают свою задачу: не поединка, а спасения тел повергнутых соратников. Менелай поражает вождя пафлагонцев Пилемена, а Антилох убивает его возницу.

Здесь же, на направлении главного удара (как потом выясняется, мнимого) появляется Гектор и увлекает троянцев в яростное наступление. При этом герои ахейцев исчезают – их нет в повествовании. Гомер, живописуя битву локально, не очерчивает военной стратегии, о которой он, вероятно, имел очень смутное представление. Временно усиленный фланг Диомеда с прибытием Гектора явно ослабляется – происходит переброска ахейских сил. Также ослаблен фланг Аякса Великого. По мере втягивания троянцев в битву, происходит концентрация сил ахейцев в центре. Но пока по видимости ахейцы терпят поражение.

Аякс Теламонид на своем фланге поражает троянского героя, но даже при всей своей мощи и непобедимости, многократно явленных в «Илиаде», вынужден отступить под градом стрел и дротиков. Диомед на своем фланге и вовсе оттеснен от основных сил и прижат к берегу реки у слияния Скамандра и Симоиса.

Диомед отступает, видя перед собой Гектора и принимая его за воплощение бога войны Ареса. Гектор сметает всё на своем пути, и Диомеду не хочется сражаться с богом, обрекая себя на гибель. Ахейцы отступают, но сохраняют порядок. Позднее Афина объясняет Диомеду, что Ареса он может точно так же поразить копьем, как и Афродиту. Диомед, действительно, нападает на Ареса и пронзает его копьем в пах, отчего бог войны оглушительно кричит от боли и возносится на Олимп. Но это уже не Гектор. Гектор в это время возвращается в центр позиции своего войска, где видит раненного Сарпедона, у которого пробито копьем бедро.

В центре битвы события развиваются в целом в пользу троянцев. Сарпедон получает ранение от сына Геракла Тлиполема, но при этом убивает противника. Сарпедона уносят с поля боя его воины, но опасность настолько велика, что они не успевают даже вытащить из его ноги глубоко вонзившийся дротик. Одиссей пытается догнать сподвижников Сарпедона и добить ликийского царя. Но на пути встают другие троянцы, и всю свою ярость Одиссей обрушивает на них. Троянцы, несмотря на помощь ликийских лучников, отступают – они потеряли управление войском после ранения Сарпедона. Гектор исправляет положение: аргивяне (именно они составляют ядро центральной позиции ахейцев) вынуждены отступить. Но где в это время Агамемнон и Менелай? Они сначала на фланге Диомеда, а затем должны вернуться к своим соплеменникам в центре позиции, что и происходит позднее.

Гомер представляет перелом в битве в пользу ахейцев за счет явления одновременно Геры и Афины в войско Диомеда. Там Гера в образе Стентора громогласно стыдит отступающих, а Афина является в своем божественном облике непосредственно Диомеду, укоряет его в духе Агамемнона (сравнивая его с отцом). Открывшуюся у Диомеда кровоточащую рану Афина тут же врачует и лично правит колесницей, с которой Диомед поражает Ареса – в чьем облике выступает в этот момент бог войны, не уточняется. Главное, что Диомед перестает робеть и смело бросается на врага.

В данном случае все эти божественные образы связаны с общим переломом битвы в пользу ахейцев, а не с действиями на фланге Диомеда. Напротив, Диомед оказывается изолированным от основных событий, оттянув на себя силы троянцев, возглавляемые Энеем. Об этой части сражения Гомер как будто забывает и описывает, что творится на других направлениях.

После притворного отступления Аякс прорывает фалангу троянцев. В центре позиции, где до сих пор сражался один Одиссей, появляются Менелай и Агамемнон, а также Нестор. Можно полагать, что здесь введены в сражение не только силы, которые ранее были на фланге Диомеда, но и резерв, который возглавлял Нестор. Троянское войско, растянутое маневром – отступлением ахейцев на флангах, терпит полное поражение. Лишь у стен Трои Гектору удается «укротить бегство», мобилизовав подкрепления, вышедшие из города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.